

**ВПЛИВ ЗАПОЗИЧЕНЬ НА РОЗВИТОК ТЕРМІНОЛОГІЧНОЇ ДУБЛЕТНОСТІ
(на матеріалі термінології менеджменту української та англійської мов)**

11. Крамаренко В. І. Менеджмент : навч. посіб. / В. І. Крамаренко. – К. : ЦУЛ, 2000. – 248 с.
12. Коваль А. П. Синоніміка в термінології / А. П. Коваль // Дослідження з лексикології й лексикографії. – К. : Наук. Думка, 1965.
13. Короткий україно-російсько-англо-німецький словник з економіки та менеджменту / уклад.: О. І. Лесюк та ін. – К. : Спалах ЛТД, 1996. – 312 с.
14. Кочан І. Варіанти і синоніми термінів з міжнародними компонентами : [Електронний ресурс] / І. Кочан // Вісн. Нац. ун-ту «Львівська політехніка» : зб. наук. пр. Серія: Проблеми української термінології. – Львів, 2008. – № 620. – С. 14-19. – Режим доступу : www.lp.edu.ua/tc.terminology/TK_Wisnyk620/TK_wisnyk620_kochan.htm
15. Кутина Л. Л. Языковые процессы, возникающие при становлении научно-терминологических систем / Л. Л. Кутина // Лингвистические процессы научно-технической терминологии. – М., 1970.
16. Лапоногова Н. А. Языковые реалии американского бизнеса / Н. А. Лапоногова. – К. : Парламентское изд-во, 2004. – 224 с.
17. Левандровская Н. В. Глагольная синонимия в терминологии военной авиации (на материале английского и русского языков) / Н. В. Левандровская // Современная лингвистика: теория и практика : материалы VII межвуз. науч.-метод. конф. – Краснодар, 2007. – Ч. 1. – С. 97.
18. Лейчик В. М. Термины-синонимы, дублеты, эквиваленты, варианты / В. М. Лейчик // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск, 1973. – Вып. 2. – С. 103-107.
19. Мескон М. Основы менеджмента / М. Маскон; [пер. с англ.]. – М., 1994.
20. Михайленко Т. Синонімічні відношення в українській науково-технічній термінології / Т. Михайленко // Українське мовознавство. – 2003. – № 25. – С. 24.
21. Молодець В. М. Класифікація синонімів російських і німецьких лінгвістичних термінів за мовою-джерелом / В. М. Молодець // Мовознавство. – 1978. – № 3. – С. 96.
22. Новый практичний економічний словник. – К. : Криниця, 2003. – 352 с.
23. Панько Т. І. Українське термінознавство : підруч. / Т. І. Панько, І. М. Кочан, Г. П. Мацюк. – Львів : Світ, 1994. – 216 с.
24. Рудінська О. В. Менеджмент : навч. посіб. / О. В. Рудінська, С. А. Яроміч, І. О. Молоткова. – К. : Ніка-Центр, 2002. – 336 с.
25. Толикина Е. И. Синонимы или дублеты / Е. И. Толикина // Исследование по русской терминологии. – М. : Наука, 1971. – С. 78-85.
26. Шегда А. В. Менеджмент : Навч. посіб. / А. В. Шегда. – К. : Знання, 2002.
27. Новый практичний економічний словник. – К. : Криниця, 2003. – 352 с.
28. Шимків А. Англо-українській тлумачний словник економічної лексики / А. Шимків. – К. : Вид-чий дім «Києво-Могилянська академія», 2004. – 429 с.

Сдобнова С.В.

УДК 82.0

**К ВОПРОСУ О ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
СНОВИДЕНИЙ В СИСТЕМЕ ХРОНОТОПА ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

Как известно, время и пространство являются одними из самых знаковых категорий в литературоведческом анализе художественного произведения. Категории времени и пространства исследовались в трудах целого ряда выдающихся учёных: О. Шпенглер [13], Х. Ортега-и-Гассет [6], М. Хайдеггер [11], М.М. Бахтин [1], Д.С. Лихачёв [3], Ю.М. Лотман [4], В.Н. Топоров [7], В.В. Виноградов [2], Б.А. Успенский [8], В.Б. Шкловский [12] и др.

Именно хронотоп (М. Бахтин) является той категорией, которая позволяет постигнуть сюжетостроение, композицию и архитектуру художественного текста. Пространственно-временная организация произведения представляет собой сложную структуру, особенно, если в этой структуре имеются дополнительные инкорпоративные включения. В нашем случае – сновидения или иные соприродные им явления онейрического состояния (видения, галлюцинации, иллюзии, бред, гипноз и другие).

Условно-реальная действительность сна предполагает разворачивание нового (собственного) хронотопа, выстраиваемого по вертикали и горизонтали, то есть во времени и пространстве. Структура сна может многократно усложняться. Каждый «новый» хронотоп – наслаивается. В связи с тем, что фабульные события повествования соотносятся с концептуальным временем и пространством, созданным автором, а существование художественного образа этим концептуальным хронотопом не ограничено, нам представляется чрезвычайно важным в отдельных произведениях специальное рассмотрение хронотопа сновидения. Хронотоп сновидения является дополнительной или, напротив, основной сеткой координат для выстраивания и характеристики художественного образа.

Исследователи традиционно рассматривают художественное время как приоритетную для анализа хронотопа составляющую. Как правило, это объясняется тем, что временная координата явственнее выявляется в бытии, символизирует собой непрерывность человеческого существования и неизбежно влечёт за собой (собою обуславливая) изменения в пространстве. Кроме того, в отличие от фабульного времени, как мы знаем, художественное время – более самостоятельная категория. Художественное время

может останавливаться, замедляться, ускоряться, поворачивать вспять и т.п. Автор в своем произведении творит не только время, но и пространство, которое обладает различными масштабам и степенью приближенности к реальности. В таком случае хронотоп сновидения приобретает и определённую условность и дополнительное смысловое содержательное значение. Таким образом, важность рассмотрения и отдельного исследования пространственно-временной организации сновидения возрастает.

«Авторское время» и «время персонажа», с одной стороны, в некоторой степени являются достаточно самостоятельными (по сравнению с «авторским пространством» и «пространством персонажа»), но с другой стороны, – они всё же зависят от социально-исторического времени (и, соответственно, с реальным географическим пространством). В то же время важно помнить о том, что «авторское время», выражая концепцию мира и человека, является неотъемлемой частью пространственно-временной структуры произведения в целом.

В контексте изучения хронотопа сновидений считаем важным помнить об органической укоренённости сна в мифологическом сознании человека, о чём, например, говорил К.Г. Юнг в работе «Психология архетипа младенца» [14]. Сон, отражая и выражая глубинные слои человеческой психики, неизбежно будет ориентирован на веками устоявшиеся поведенческие модели человека и архетипически окрашенные мифологемы. Особенное значение приобретает в таком случае художественное пространство как «прасимвол культуры», о котором в трактате «Закат Европы» (1918) впервые пишет О. Шпенглер [13]. Согласно рассуждений философа пространство связано с категориями жизни и смерти, времени и судьбы, и понять человека без понимания окружающего его мира, его чувства времени невозможно [13, с. 315].

О проблеме художественного пространства в живописи писал Х. Ортега-и-Гассет в работах «Искусство в пространстве» и «Бытие и время» (1927) [6].

Вопросу определения художественного пространства и пространственности как характерной особенности литературного текста говорил М. Хайдеггер. В частности, он отмечал, многообразность пространства во многом обусловлена спецификой сферы деятельности. Так, в отличие от пространства науки или пространства техники художественное пространство всегда будет представлять самостоятельную сущность. Мыслитель подчёркивал, что объекты, включённые в художественное пространство, ищут мест и сами являются местами. В то же время пустота (или – незаполненность художественного пространства) не является отсутствием наполненности, а суть существо места [11]. По Хайдеггеру, пространство органично связано со временем, тогда как время и бытие человека взаимно определяют друг друга: «Времени нет без человека, а человека нет без времени» [11, с. 153]. Данное утверждение является знаковым для контекста нашего исследования поэтики сна в художественных произведениях. Другими словами, сновидение героя произведения неразрывно с его сущностью и желаниями. И пространственно-временная структура сна, так или иначе, неизбежно будет подчинена законам внутреннего мира персонажа. Примером изучения того, как сновидения входят в хронотоп романа, является диссертационное исследование Н.А. Нагорной, в котором одна из глав посвящена рассмотрению «второго пространства» и его органической связи со сновидениями в романе «Петербург» А. Белого [5, с. 139-179]. Исследовательница приходит к выводу о том, что А. Белый, прибегая к приёму сна, стремится «расширить картину мира персонажей или показать им (персонажам – С.С.) зыбкость „нерушимых“ границ сознания» [5, с. 182]. Тем не менее, автор утверждает первичность авторского времени над творимым автором «вторым пространством» сверхчувственного мира. Считаем, что наблюдения Н.А. Нагорной над поэтологическими особенностями романа «Петербурга» всё же показывают, что внутренний мир персонажа имеет свои совсем не зыбкие границы. Другое дело, что пространство сна является «художественным» в художественном пространстве произведения. То есть оно способно расширяться, деформироваться, сужаться и т.п. в рамках уже расширенного, деформированного, суженного пространства текста. К сожалению, на наш взгляд, это обстоятельство практически не учтено в работе Н.А. Нагорной. В то же время нельзя не согласиться с утверждением исследовательницы о том, что у А. Белого «сны двойственны, наполнены влияниями как материального, так и сверхчувственного мира („второго пространства“). Персонажи общаются в своих снах с другими измерениями, заглядывают за край собственной рассудочности. Через сновидения можно конкретнее ощутить хрупкие миры, неповторимые у каждого персонажа „Петербурга“. Встреча с подсознанием несёт им неожиданные прозрения» [5, с. 182].

Ценной для нашего исследования является мысль П.А. Флоренского о специфике художественного пространства, согласно которой оно – «не одно только равномерное, бесструктурное место, не простая графа, а само – своеобразная реальность, насквозь организованная, нигде не безразличная, имеющая внутреннюю упорядоченность и строение. Предметы как „сгустки бытия“, подлежащие своим законам и имеющие каждый свою форму, довлеют над пространством, в котором они размещены, и они не способны располагаться в ракурсах заранее определённой перспективы» [10, с. 94]. В художественных произведениях сны, возникшие у персонажей, существующих по законам внутренней жизни конкретного литературного мира, имеют предопределённый характер.

Несомненно, ведущая роль в разработке категорий художественного пространства и времени принадлежит русскому мыслителю М.М. Бахтину. При изучении исторической поэтики литературных жанров, в частности романа («Слово о романе», «Формы времени и хронотопа в романе», «Роман воспитания и его значение в истории реализма» и другие), М.М. Бахтин в 1930-е годы разработал теорию хронотопа как «формально-содержательной категории». По Бахтину, хронотоп, объединяющий пространство и время, выражает «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [1, с. 234-235], о чём говорится в статье «Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике» (1937-1938). М.М. Бахтин отмечает, что литературно-художественный хронотоп характеризуется совмещением временных и пространственных

примет: «время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [1, с. 235]. Взаимообусловленность и взаимопроникновение времени и пространства приобретает доминирующее положение среди основополагающих параметров при рождении целого художественного произведения.

Необходимо, конечно, отметить и тот факт, что хронотоп в равной степени значим и в произведениях других искусств, особенно если учитывать традиционно сложившуюся в мировой культуре установку в разделении видов искусств на временные и пространственные искусства. И тем более он становится важным при изучении творчества писателей, для которых пересечение различных видов искусств в одной точке времени или пространства могло стать определяющим при создании произведения, в частности, в момент нахождения героя в сновидении. Способность художественного времени и пространства изменяться в рамках художественного текста и способность отразить момент переживания проживания, то есть бытования героя в тексте. Другими словами, время и пространство сна неизбежно деформировано под давлением психологических переживаний героя в «реальном мире» его же бодрствования. П.А. Флоренский в работе «Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях» указанную двойную деформацию называл «уплотнением»: «Деятельность искусства работает именно над этим уплотнением пространства и времени...» [9, с. 224] или «Произведение эстетически принудительно развертывается перед зрителем в определенной последовательности...» [9, с. 230]. Деформация пространственно-временных отношений в художественном произведении (по сравнению с реальной действительностью), а затем, как мы уже отмечали, вторая деформация хронотопа (то есть деформация во второй степени) в сновидении обусловлена и тем, что художественный образ опосредованно связан с изображением реальной действительности, воспринимаемой через время и пространство.

Как видим, актуальность обращения к данному аспекту организации литературного текста обусловлена отсутствием обобщающих комплексных работ о поэтике сна. В связи с обозначенной тематикой особый интерес, на наш взгляд, вызывает исследование в творчестве писателей сновидений, обладающих собственным хронотопом и осуществляющих медиационную функцию в процессе преодоления бытийных антиномий.

Источники и литература:

1. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики / М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975. – 504 с.
2. Виноградов В. В. Завещание мастера / В. В. Виноградов // Избранные труды. Поэтика русской литературы / В. В. Виноградов. – М., 1976. – С. 38.
3. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев // Избранные работы : в 3 т. / Д. С. Лихачев. – М., 1987. – Т. 1: Поэтика древнерусской литературы. – 592 с.
4. Лотман Ю. М. Непредсказуемые механизмы культуры / Ю. М. Лотман. – Таллин : Изд-во Таллиннского ун-та, 2010. – 232 с.
5. Нагорная Н. А. Онейросфера в русской прозе XX века: модернизм, постмодернизм : дисс. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 - русская литература / Н. А. Нагорная. – М., 2004. – 414 с.
6. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / Х. Ортега-и-Гассет. – М. : Весь мир; ИНФРА-М, 2000. – 700 с.
7. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное / В. Н. Топоров. – М. : Изд-кая группа «Прогресс» - «Культура», 1995. – 624 с.
8. Успенский Б. А. История и семиотика: Восприятие времени как семиотическая проблема / Б. А. Успенский // Избранные труды : в 3 т. / Б. А. Успенский. – СПб., 1996. – Т. 1. – С. 51-55.
9. Флоренский П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях / П. А. Флоренский. – М. : Прогресс, 1993. – 324 с.
10. Флоренский П. А. У водоразделов мысли / П. А. Флоренский // Соч. : в 2-х т. / П. А. Флоренский. – М. : Правда, 1990. – Т. 2. – 447 с.
11. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. В. В. Библихина. – М. : Ad Marginem, 1997. – XI, 451с.
12. Шкловский В. Художественная проза: Размышления и разборы / В. Шкловский. – М. : Советский писатель, 1959. – 327 с.
13. Шпенглер О. Закат Европы / О. Шпенглер; пер. Г. В. Драча. – Ростов н/Д. : Феникс, 1998. – 637 с.
14. Юнг К. Г. Психология архетипа младенца / К. Г. Юнг // Дух Меркурий / К. Г. Юнг. – М., 1996.